

«До чего же весело было когда-то в нашем огороде! Выйдешь из сеней, помотришь вокруг — зелень буйная!.. Огурцы цветут, тыква цветет, картошка цветет; цветут малина, смородина, табак, фасоль». Чего только не насадишь в огороде наша неутомимая мать.

— Ничего на свете так я не люблю, как сажать что-нибудь в землю, чтоб прозябло. Когда вылезает из нее всякая былинка, вот то моя радость, — любила приговаривать она».

Вот он, этот огород, о котором писал Довженко, и в руку мне, как кутенок влажным носом, тычется смешной коротконогий подсолнух. А в нескольких шагах и сам хозяин, Александр Петрович, в простой рубахе, домотканых штанах, босиком, — будто вышел из хаты, потянувшись к солнышку, широко вдохнул медовый запах лугов. Только не сойти ему на теплую траву с пьедестала, не ворохнет ветер бронзовую пряжу. Лежит прах его там, откуда я приехал в Сосницу, — в Москве, за высокими стенами Новодевичьего кладбища. А здесь, на родимой земле, живет его дух, живет его слово, его любовь к людям, к своему деснянскому краю. Он удивительно умел любить землю и рожденных ею людей, он плл эту любовь, как густой, терпкий напиток, и, хмелея от каждого глотка, исторгал из своего сердца такие слова, от которых кровь резвее мчалась по жилам, и тому, кто умел воспринять их, хотелось жить чище, лучше, звонче.

Я вышел из его дома — литературно-мемориального музея — переполненный впечатлениями. В хате обступили знакомые по картинам вещи, и мне позволили и качнуть колыбельку маленького Сашко, и присесть за его стол, и напоили водой из глечика, из которого пил он. Но ведь вещи, бытосные никогда не были главными для Довженко, несмотря на всю любовь его к точной, емкой детали. Я приехал в Сосницу за несколько дней до его девяностолетнего юбилея, чтобы напитаться тем духом, который рождал его фантазии, чтобы прикоснуться к первоисточкам его жизни и постараться понять, что сделало его таким, каким мы знаем этого художника.

И тогда те, кто принимал меня на земле Довженко: стеснительный экскурсовод Александра, так и не сказавшая своей фамилии, директор музея Николай Сичко, районный военком майор Николай Авраменко и пропагандист политотдела облвоенкомата подполковник Юрий Епинин, посоветовались и сказали так:

— Задача у вас, конечно, трудная. Но есть одна возможность: пойти вам на Билу кручу, где любил зоревать юный Довженко, поглядеть на зачаровану Десну, послушать, как струит она свои воды меж опущенных соснами, словно девичьи очи ресницами, берегов. И положить: может, скажет она заповедное, ключевое слово свое...

А Александра добавила: — Ведь Довженко удавалось видеть звезды даже в обыкновенной луже, где другой увидел бы только грязь.

И мы пошли на Десну. И путь наш лежал широким лугом.

«Мой дядько Самойло не был ни профессором, ни лекарем, ни инженером... Но, как и всякий почти человек, он имел свой талант и нашел себя в нем. Он был косарь. Он был такой великий косарь, что люди забыли даже его фамилию и называли его Самойло-косарь, а то и просто Косарь».

Орудовал он косой, как добрый художник кистью, — легко и быстро. Если б его пустили с косой прямо, он обкосил бы весь земной шар — были бы только трава, да хлеб, да каша».

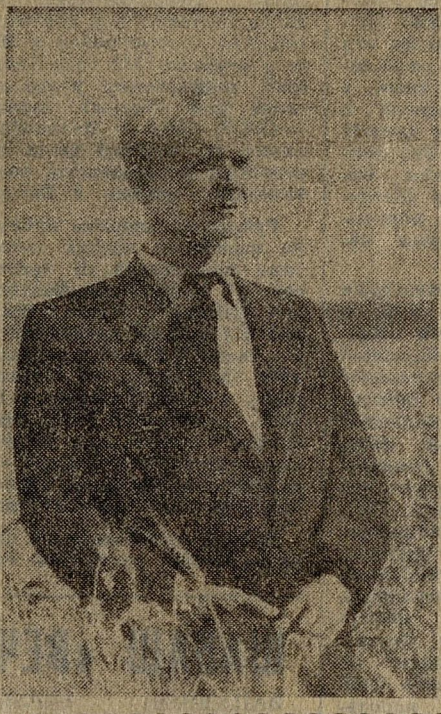
Вот такие косари и работали на лугу. Посвистывали косы, упруго падали к ногам травы, и пестрые табунки девчат ловко сгребали их, постреливая взглядами в знакомых и незнакомых. И не шел вроде никто, а песня сама жила над лугом в рассыпчатых звонах подтачиваемых кос, в мерных движениях косарей и грабельщиц.

— Уф!.. — прямо за спиной устало выдохнул пропыленный «уазик». На дорогу легко выпрыгнул человек.

Примечание: черным шрифтом набраны фрагменты из произведения А. П. Довженко.

В летописи Отечества

НА ЗЕМЛЕ ДОВЖЕНКО

блеснул приветливым взглядом, хорошо, со вкусом улыбулся:

— А мне говорят — гости у нас, на довшенкову кручу пошли. Ну, я в машину — и сюда. Давайте знакомиться: Николай Грищенко, секретарь парткома колхоза имени Довженко.

Как-то очень естественно, без нажима стал он рассказывать, почему здесь нынче косят по старинке, вручную: для своих личных буренок косят. А для колхозных уже заложили столько первоуротных кормов, сколько раньше и не гадали иметь. Что ежедневно колхоз поставляет до шести тонн молока, а бычков на мясо сдаст только выше средней упитанности. И с косовицей управились погвардейски, за десять дней. И уже почти достигли задолженности государству: еще пять лет назад хозяйством было убыточным, а теперь уверенно тянется в передовые. И выйдем! — управился Николай.

В общем, оказался он из тех, кого земля, как говорится, не только хлебом и медом кормит, но и мыслями, и песнями, для кого в поле не одни галушки растут, а и проблемы, и люди вокруг него не просто Петры да Оксаны, а самобытные, может, и трудные, но всегда интересные характеры.

— Крестьянин труд свой испокон веку снятым урожаем мерил, — убежденно говорил он. — И в колхозы шел, чтобы не в одиночку в земле ковыряться. Потому коллективный подряд с оценкой по конечному результату колхозник воспринял как что-то совершенно естественное. При хорошем, конечно, хозяйне. А председатель наш, Николай Степанюк, — хозяйин! Три года работает, а таких шагов вперед мы за всю прошлую пятилетку не сделали. Коммунистов на ключевые посты развели, молодежь поддержали. Результат? Зарботки выше стали, личная заинтересованность появилась. Не из колхоза — в колхоз народ идет. А мы — пожалуйте, вам квартиры со всеми удобствами. Два клуба действуют, Дом культуры. Библиотека одна из лучших в районе. Киностудия имени Довженко — наши шефы. В год несколько раз приезжают, и в нынешнем были. Вместе с ними и ребятами из школы имени Довженко мы сад к годовщине Александра Петровича заложили. К столетнему юбилею уже плодоносить будет.

Плавню струится округлый украинский говорок партийного секретаря, не нарушая песенной гармонии покоса. А у меня перед глазами всплыл славный парубок Василь — тот кадр из «Земли», где танцует он посреди ночной деревенской улицы. Много счастья привалило Васильку — и Наталка-то его любит, и

батько дал согласие в колхоз вступить, и пригнали они с хлопцами в деревню, может, первый на всей Украине колхозный трактор! Идет — танцует Василь, не зная, что уже целит в спину ему черное дуло кулацкого обреза. Ведь за этот нынешний день пал веселый хлопец, и вот они, его сегодняшние продолжатели, дружно, шаг в шаг, идут по лугу, широко взмахивая остро отточенными косами...

Что-то сломалось вдруг в ритме косыбы. Глухо звякнула, споткнулась на полушаге коса, испуганно писнула девочка — грабельщица. Косарь медленно распрямился и поднял на ладони нечто тусклое, с обгрызненными краями, в кровавых потеках ржавчины. Осколок.

«...История заворожил нас, хлопцы, — говорил Щорс, глядя куда-то вдаль, в будущее. — Вот я тоже часто думаю — пройдут года, завершится революция и замкнут люди братья на земле. Сколько же сказок о нас перескажут, сколько песен о нас пропойт. Тихими вечерами да зорными ночами, где-нибудь под Черныговом, над прекрасной нашей Десной... И воскреснем мы. И возникнем из седьми веков и пройдем перед ними могучим строем, полным торжественного ритма и красоты... Пройдем за Лениным такими достойными, простыми товарищами...»

И уже рвут орудия землю, и бросается она под копыта, и мчатся над лугом всадники в краснеющем перед закатом солнце, вскинув высь сабли, острые, как ненависть, неотвратимые, как возмездие. И — красное на красном — запахнуло крылья боевое знамя: идут богунцы, тарашанцы, новгород-северцы. И ведет их сам Щорс, отнятый у смерти и возвращенный нам живым гением Довженко в его прекрасном фильме.

А левее, за лугом, из прибрежных лоз, из первых, еще теплых струек тумана поднимается фигура Ивана Орлюка, солдата Великой Отечественной, с болями прошедшего от Десны — и снова до Десны, а там до Днепра и через пол-Европы до Бранденбургских ворот. «Повестью пламенных лет» назвал свою кинопоэму Довженко — сколько таких Иванов, вечных болью, и кровью, и коротким солдатским счастьем, видел он, полковник, фронтовой корреспондент, на дорогах войны. Да ведь и мы сейчас их видим рядом с нами, седологовых, с орденскими планками на пиджаках...

С одним из них свели меня вчера близ деревни Елино, что в соседнем, Щорском, районе, председатель колхоза «Жовтень» Иван Кашпур, секретарь парторганизации артели Василий Роговенко и райвоенком капитан Валерий Житников — с первым секретарем подпольного РК ЛКСМУ Петром Степановичем Шутько. Свели у восстановленных землянок партизанской базы соединения Федорова.

— Тогда эти сосны, — поглядил он шершавый ствол, — были чуть выше землянок, а сейчас вон какие вымахали. Да и сами мы чуть моложе были, правда, Юрко? — шутливо обратился он к нынешнему вожак комсомоли района Юрию Кизименко. Увидел, что я рассматриваю его награды — ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, покачал

головой: — Рассказов о садах и схватках не будет, вот видите? — и провел пальцем по планке медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» — Я работал. Работал секретарем райкома. В особых, конечно, условиях...

А что только за найденный в хате комсомольский билет фашисты на дыбу поднимали — не сказал. И что каждый шаг комсомольского секретаря в ту пору был шагом в огонь, тоже не стал говорить. «Ведь знаешь. А нужны подробности — спросишь», — читалось в его взгляде. И вскоре они с Юрием увлеклись своей беседой, беседой двух — назовем их по-старому — комсогов, и, хоть разделяло их четыре десятка лет, это был разговор деловой, профессиональный, острый. И я откровенно любовался ими обоими, слушая, как гудели под ветром верхушки деревьев, вдыхая ароматный дымок костра. Метались резкие, беспокойные тени, и, казалось, снова от партизанских землянок уходила в поход боевая юность — высокая, чистая, окрыленная подвигом.

Такая же юность, только нынешняя, виделась мне сейчас в закатном зареве над широким довшенковским лугом. Вновь взмахивали широкими крыльями знамена. Рокотали барабаны. И взвод за взводом шагал над Десной юнармейский отряд имени Довженко. Пылали на ветру галстуки, горели румянцем щеки. Гордо глядели на своих питомцев директор школы Николай Дергун, организатор внеклассной работы Тамара Кузьменко, военрук, старший лейтенант запаса Алексей Запужовиченко. А над закатным солнцем проложил белую трассу самолет — не то ли орленок, что учится сейчас на взлетного летчика, кружит над родными полями? Двадцать пять курсантов приезжают нынче на каникулы в родную Сосницу. И каждый обязательно придет в школьный музей Довженко и подойдет к столику, где в корбочках, в гильзах лежат горсти священной земли с рубежей великих битв за Родину. Это было по-детски искренне и мудро — поставить святую землю в музей Довженко. Ведь это и его земля.

Он удивительно умел любить землю. Трепетной, нежной любовью. Он писал о ее красоте и снимал ее красоту. Но больше всего он любил ее за тех людей, которых она растила. Велико ли расстояние от его хаты до Десны? Но и меня, пришлого, приезжего, имя Довженко вело к ней не от околицы до Убеди, не от Убеди до Десны, а от человека к человеку, дара неповторимой радостью встреч, чуть горчившей от скорого расставания.

«Надо полной палитрой писать коллективный портрет народа. Надо так его писать, чтобы люди, которые придут к коммунизму, глядя на этот портрет, вспоминали с любовью и благодарностью: какие великодушные, мужественные и достойные люди жили в начале строительства нового мира, строительства коммунизма!».

1956 годом, годом его смерти, датирована последняя работа Александра Петровича — сценарий «Поэмы о море». Но тлен над гением не властен. Живут его фильмы, живет его творчество в продолжателях и учениках. И когда приходит удача — грудь его воспитанников украшает почетная награда: медаль имени Довженко. А лауреатом Золотой медали № 1 стала его лучший друг, ближайший соратник и верный последователь — Юлия Солнцева — за постановку фильмов по сценариям Александра Петровича.

И вот мы пришли на Десну. Высоко взметнулась над ней довшенкова Била круча. Дышат ветром альпийские сосны — только здесь растут они по капризу природы. Тишина. Простор огибающий. Кумачовое закатное небо, а меж берегов не вода течет — расплавленное черное золото. Окунуть в него руки, зачерпнуть, рассыпать на все четыре стороны — и крикнуть, чтобы слышно было от Карпат до Камчатки:

— Я люблю тебя, Родина! — Родина... — откликнется эхо. — Родина!..

Вот оно, заветное деснянское слово. Ключевое слово Довженко.

Э. МИХАЙЛОВ.